

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении обложки
использована репродукция картины *Бориса Карафёлова*

Рубина, Дина.
P82 Русская канарейка. Блудный сын : роман /
Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-203832-7

Леон Этингер, уникальный контратенор и бывший оперативник израильских спецслужб, которого никак не отпустят на волю, и Айя, глухая бродяжка, вместе отправляются в лихорадочное странствие — то ли побег, то ли преследование — через всю Европу, от Лондона до Портофино. И, как во всяком подлинном странствии, путь приведет их к трагедии, но и к счастью; к отчаянию, но и к надежде. Исход всякой «охоты» предопределен: рано или поздно неумолимый охотник настигает жертву. Но и судьба сладкоголосой канарейки на Востоке неизменно предопределена.

«Блудный сын» — третий и заключительный том романа Дины Рубиной «Русская канарейка», полифоническая кульминация грандиозной саги о любви и о Музыке.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203832-7

© Д. Рубина, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Книг третья
Блудный сын

ЛУКОВАЯ РОЗА

1

Невероятному, оп сному, в чем-то д же героическому путешествию Желтухин Пятого из П - риж в Лондон в дорожной медной клетке предшествовали несколько бурных дней любви, перебр нок, допросов, любви, выпытыв ний, воплей, рыд ний, любви, отч яния и д же одной др ки (после неистойвой любви) по дресу рю Обрио, четыре.

Др к не др к , но сине-золотой ч шкой северского ф рфор (дв нгелочк смотрятся в зерк льный ов л) он в него з пустил , и поп л , и сс дил скулу.

— Елы-п лы... — изумленно р зглядыв я в зерк ле в нной свое лицо, бормот л Леон. — Ты же... Ты мне физиономию р скв сил ! У меня в среду л нч с продюсером к н л *Mezzo...*

А он и с м испуг л сь, н летел , обхв тил его голову, прип л щекой к его ободр нной щеке.

— Я уеду, — выдохнул в отч янии. — Ничего не получ ется!

У нее, у Айи, не получ лось гл вное: вскрыть его, к к консервную б нку, и извлечь ответы н все к те

горические вопросы, которые з д в л , к к умел , — уперев неумолимый взгляд в сердцевину его губ.

В день своего ослепительного явления н пороге его п рижской кв ртиры, едв он р зомкнул н конец обруч истосков вшихся рук, он р звернул сь и ляпнул н отм шь:

— Леон! Ты б ндит?

И брови дрож ли, взлет ли, кружили перед его изумленно поднятыми бровями. Он з смеялся, ответил с прекр сной легкостью:

— Конечно, б ндит.

Снов потянулся обнять, но не тут-то было. Эт крошк приех л воев ть.

— Б ндит, б ндит, — твердил горестно, — я все обдум л и понял , зн ю я эти з м шки...

— Ты сдурел ? — потряхив я ее з плечи, спр шив л он. — К кие еще з м шки?

— Ты стр нный, оп сный, н острове чуть меня не убил. У тебя нет ни мобильник , ни электронки, ты не терпишь своих фотогр фий, кроме фишной, где ты — к к р достный обмылок. У тебя походк , буд-то ты убил трист человек... — И встрепенувшись, с з позд лым воплем: — Ты з толк л меня в шк ф!!!

Д . В кл довку н б лконе он ее действительно з толк л, — когд Ис дор явил сь н конец з ук з ниями, чем кормить Желтухин . От р стерянности спрят л, не ср зу сообр зив, к к объяснить консьержке миз нсцену с полур здетой гостьей в прихожей, верхом н дорожной сумке... Д и в кл довке этой чертовой он отсидел ровно три минуты, пок он судорожно объяснялся с Ис дорой: «Спсибо, что не з были, моя р дость, — (п льцы пут ются

в петлях рубашки, подозрительно выпущенной из брюк), — один ко получил, что уже... э-э... никто никуда не едет».

И все же вывалился он на следующее утро Исидору всю *приведу!* Ну, положим, не всю; положим, в холле он спустился (в том же босу ногу) за тем, чтобы отменить ее еженедельную уборку. И когда лишь рот открыл (как в песне блондинкой: «Кто мне не грянул кузину из Одессы»), с ним «кузину», в его рубашке негладкое тело, едва прикрыв вшей... да ни черт не прикрыв вшей! — вылетел из квартиры, свернул с лестницы, как школьник на перемене, и стоял перепуганный на нижней ступени, требовательно усталая и обоим. Леон вздохнул, расплылся в улыбке блондинки кретин, призвал руки и сказал:

— Исидору ... это моя любовь.

И тогда уютно и сердечно отозвался:

— Поздравляю, месье Леон! — словно перед ней стояли не два обезумевших кролика, а почтенный св. дебный кортеж.

На второй день они хотя бы оделись, отворили ставни, заправили измученную тещу, сожрали подчистую все, что оставалось в холодильнике, да же полузасохшие мислины, и вопреки всему, что диктовали ему чутье, здравый смысл и *профессия*, Леон позволил Айе (после гонимого скандала, когда уже заправлен ящик вновь взывал всеми своими пружинами, принимая и принимая неустанный сиамский груз) выйти с ним в продуктовую лавку.

Они шли, шатаясь от слабости и обморочного счастья, в солнечной дымке ранней весны, в путице узорных теней от ветвей платанов, и да же этот мяг-

кий свет казался слишком ярким после суток любовного заточения в темной комнате с отключенным телефоном. Если бы сейчас с неким беспощадным врагом вознамерился противостоять их вразные стороны, сил и сопротивление у них было бы не больше, чем у двух гусениц.

Темно-коричневый фасад кабинета «Точка зрения», оптик, монтажников головных уборов с болванками голов в витрине (одна — с нахлобученной ушной, приплывшей сюда из какого-нибудь Воронеж), паркет, паркет, мини-маркет, сплошь обклеенный плакатами о продаже, серия с головными звонками обогретыми нарядными плетеными столиками, выставленных на тротуар, — все казалось Леону странным, забавным, даже диковатым — короткое, абсолютно иным, чем предыдущим.

Тяжелый пакет с продуктами он нес в одной руке, другой цепко, как ребенка в толпе, держал Айю за руку, и перехватывая, и глотала донью ее ладонь, перебирая пальцы и уже тоскуя по другим, тактильным прикосновениям ее рук, нечаянно добравшись до дома, куда плестись предстояло еще черт знает сколько — минут восемь!

Сейчас он бессильно отметил вопросы, резонансы и опусы, что не влились со всех сторон, каждую минуту предъявляя какой-нибудь новый аргумент (с какой это стати его оставили в покое? Не присутствовали ли его на всякий случай — как тогда, в аэропорту Кривби, — сприведливо полагаю, что он может вывести их из Айю?).

Ну не мог он без всяких объяснений запереть прилетевшую птицу в четырех стенах, поместить в клетку, и спеша слепленную (как ласочку слюной лепят гнезда) его подозрительной и опалимой любовью.

Ему так хотелось прогулять ее по ночному Парижу, вытратить в ресторане, привести в театр, и глядя по звездам с мимолетным чудесным спектром: постепенное преображение артиста с помощью грима, парика и костюма. Хотелось, чтобы и ее пленил уют любимой гримерки: неповторимая, обворожительная смесь спертых запахов пудры, дезодоранта, и гретых ламп, стиральной пыли и свежих цветов.

Он мечтал закатиться с ней куда-нибудь на целый день — хотя бы и в Париж импрессионистов, с вензелистым золотом его чугунных ворот, с тихим озером и грустным замком, с картинным пейзажем его цветников и кружевных прерывов, с его матерыми дубами и каштанами, с плюшевыми куколями выстриженных кипарисов. Запастись бутербродами и устроить пикник в псевдояпонской беседке над водоемом, подкармливать лягушечий треп, под треск оголтелых сорок, любуясь плывущим ходом невозмутимых селезней с их драгоценными, изумрудно-сфировыми головками...

Но пока Леон не выяснил намерений *друзей из конторы*, разумнее всего было если не смыться из Парижа куда подальше, то, по крайней мере, отсидеться за дверями с нежными замками.

Что там говорить о вылезании на природу, если ничтожно малом отрезке пути между домом и продуктовой лавкой Леон беспрестанно озирался, резко останавливаясь и изостраивая перед витринами.

Вот тут он и обнаружил, что одетой фигуре Аии чего-то недостает. И понял: фотоаппарат! Его и в сумке не было. Ни «специально обученного рюкзака»

к », ни кофр с к мерой, ни этих устр ш ющих объ-
ективов, которые он н зыв л «линз ми».

— А где же твой *Canon*? — спросил он.

Он легко ответил :

— Прод л . Н до ж было к к-то к тебе добр ть-
ся... Б шли твои у меня тю-тю, спёрли.

— К к — сперли? — Леон н прягся.

Он м хнул рукой:

— Д т к. Один н ркуш несч стный. Спер, пок
я сп л . Я его, конечно, отметелил — потом, когд
в себя пришл . Но он уже все спустил до копейки...

Леон выслуш л эту новость с недоумением и по-
дозрением, с внеза пной дикой ревностью, уд рив-
шей н б том в сердце: к кой т кой н *ркуш* ? к к мог
спереть деньги, когд он сп л ? в кой ночлежке
ок з лся т к вовремя рядом? и н сколько же это *ря-*
дом? или не в ночлежке? или не н *ркуш* ?

Мельком бл год рно отметил: хорошо, что Вл д-
к с детств приучил его смиренно выслушив ть
любой невероятный бред. И спохв тился: д , но ведь
эт особ вр ть не умеет...

Нет. Не сейч с. Не вспугни ее... Ник ких допро-
сов, ни слов , ни н мек н подозрительность. Ни-
к кого повод к серьезной стычке. Он и т к искрит
от к ждого слов — рот открыт боязно.

Свободной рукой обнял ее з плечи, притянул к
себе и ск з л:

— Купим другую. — И, поколеб вшись: — Чуть
позже.

Честно говоря, отсутствие т кой весомой приме-
ты, к к фото пп р т, с угрож ющими хобот ми тя-
желых линз-объективов, сильно облегч ло их пере-
движения: перелеты, переезды... исчезновения. Т к
что Леон не торопился восполнить потерю.

Но скрыв ты Айю, неупрвляемую, издлек зметную, не открывшись перед ней хотя бы в кких-то рзумных (и в кких же?) предел х... з д ч был не из легких. Не мог же он, в с мом деле, з пирть ее в кл довке н время своих отлучек!

Он ужом вертелся: поним ешь, детк , не стоит тебе одной выходить из дом , здесь не очень спокойный р йон, много шляется р зной сволоты — сум сшедшие, м ньяки, полно к ких-то извр щенцев. Никогд не зн ешь, н кого н ткнешься...

Глуности, хмык л он , — центр П риж ! Вот н острове, т м д : один сум сшедший извр щенец з м нил меня в лес и чуть не з душил. Вот т м было о-о-очень стр шно!

— Ну хорошо. А если я просто тебя попрошу? Пок без объяснений.

— Зн ешь, когд н ш б бушк не хотел что-то объяснять, он крич л п пе: «Помолчи!» — и он к к-то сник л, не хотел ст руху огорчть, он же делик тный.

— В отличие от тебя.

— Аг , я совсем не делик тн я!

Сл в богу, он хотя бы к телефону не подходил . Звонки Джерри Леон игнориров л и одн жды просто не открыл ему дверь. Филипп водил з нос и держ л н р сстоянии, дв жды отклонив пригл шение поужинть вместе. Две ближ йшие репетиции с Робертом отменил, сосл вшись н простуду (взды х л в трубку бесстыжим голосом: «Я уж сно болен, Роберт, уж сно! Перенесем репетицию н ... д я с м позвоню, когд приду в себя», — и, похоже, небу следов ло уп сть н землю, чтобы он *пришел в себя*).

Ну, дльше, к к дльше-то быть? И сколько они смогут т к отсидев ться — звери, обложенные оп сным сч стьем? Не может же он торч ть с утр до вечер в кв ртире, к к Желтухин Пятый в клетке, вылет я погулять под присмотром Леон по трем окрестным улочк м. К к объяснишь ей, не р скры-в ясь, стр нное сопряжение его светской ртистической жизни с привычной, н уровне инстинкт , конспир цией? К кими отмеренными в гомеоп тических доз х слов ми р сск з ть про *контору*, где цел я рмия специ листов счит ет недели и дни до ч с икс в неизвестной бухте? К к, н конец, не потревожив и не вспугнув, н щуп ть бикфордов шнур в т йный мир ее собственных стр хов и несконч емого бегств ?

И вновь н к тыв ло: н сколько, в сущности, они безз щитны об — дв беспризорник в хищном мире всесветной и р знон пр вленной охоты...

* * *

— Мы поедем в Бургундию, — объявил Леон, когд они вернулись домой после первой хозяйственной выл зки с чувством, что совершили кругосветное путешествие. — В Бургундию поедем, к Филиппу. Вот отпою спект кль трин дц того, и... д , и четырн дц того з пись н р дио... — Вспомнил и простон л: — О-о-о, еще ведь концерт в Кембридже, д ... Но потом! — увлек ющим и бодрым тоном: — Потом мы обяз тельно уедем н пять дней к Филиппу. Т м лес , косули-з йцы... к мин и Фр нсу з . Ты влюбишься в Бургундию!

З тум нную кромку этих пяти дней боялся з глядыв ть, ничего не сообр ж л.

Он вообще сейч с не мог сообр ж ть: все вним ние его, все нервы, все несч стные интеллекту льные усилия были н пр влены н то, чтобы еже секундно держ ть круговую оборону против своей возлюбленной: вот уж кто не з ботился о подборе слов, кто з бр сыв л его вопрос ми, не спуск я требов тельных гл з с его лиц .

— А к к ты узн л н ш дрес в Алм -Ате?

— Ну-у... Ты же его н зыв л .

— Врешь!

— Д это простейш я з д ч спр вочной службы, клещ ты мой нен глядный!

К к-то выходило, что ни н один ее вопрос он не мог д ть пр вдивого ответ . К к-то получ лось, что вся его кручен я-верчен я, к к поросячий хвост, проклят я жизнь был вплетен в з мыслов тый ковровый узор не только личных т йн, но и совершенно з крытых сведений и кусков биогр фий — и своей, и чужих, — н изложение которых, д же просто н н мек он пр в не имел. Его Иерус лим, его отрочество и юность, его солд тск я честн я и друг я, т йн я, рисков я, порой и преступн я по мерк м з кон жизнь, его бл женно р створенный в глотке, горт нно перебир ющий связки з *претный* иврит, его любимый бог *тый* р бский (который он иногда прогулив л, к к пс н поводке, в к кой-ни будь п рижской мечети или в культурном центре где-нибудь в Рюэе) — весь огромный м терик его прошлого был з топлен между ним и Айей, к к Ат л нтид , и больше всего Леон боялся момент , когд , отхлынув естественным отливом, их утоленн я теле сн я ж жд ост вит н песке следы их безз щитно обн женных жизнью — причину и повод з дум ться друг н д другом.

Пок сп с ло лишь то, что кв ртирк н рю Об-
рио был до кр ев з полнен подлинным и н сущ-
ным сегодняшним днем: его р ботой, его стр стью,
его Музыкой, которую — увы! — Айя не могл ни
прочувствов ть, ни р зделать.

С осторожным и несколько отчужденным инте-
ресом он просм трив л н «Ютьюбе» отрывки из
оперных спект клей с уч стием Леон . Выбеленные
гримом персон жи в тог х, к фт н х, современных
костюм х или мундир х р зных рмий и эпох (з г -
дочный выплеск режиссерского з мысл) неестест-
венно широко р зев ли рты и подолгу т к з стрев -
ли в к дре, с идиотским изумлением в округленных
губ х. Их чулки с подвязк ми, ботфорты и б льные
т почки, пышные п рики и р знообр зные головные
уборы, от широкополых шляп и цилиндров до воен-
ных к сок и тропических шлемов, своей неестест-
венной н тужностью просто приводили в отороп
норм льного человек . Айя вскрикив л и хохот л ,
когд Леон появлялся в женской роли, в костюме эпо-
хи б рокко: з гримиров нный, в пудреном п рике, с
кокетливой черной мушкой н щеке, в пл тье с фи-
жм ми и декольте, обн ж вшем слишком рельефные
для женского обр з плечи («Ты что, лифчик н дев л
для этого костюм ?» «Ну-у... пришлось, д ». «В той
н бив л?» «З чем, для этого есть специ льные при-
способления». «Х ! Бред к кой-то!» «Не бред, те-
тр! А твои “р сск зы” — они что, не те тр?»).

Он ст р тельно пролист л п чку фиш, ви-
сящих з дверью в сп льне, — по ним можно было
изуч ть геогр фию его передвижений в последние
годы; склонив голову к плечу, тихо трог л кл виши
«стейнвея»; з ствил Леон что-то пропеть, н пря-
женно следя з ртикуляцией губ, то и дело вск -

кив я и прип д я ухом к его груди, будто стетоскоп прикл дыв л . Э думчиво попросил :

— А теперь — «Ст к нчики гр неныя»...

И когд он умолк и обнял ее, пок чив я и не отпущк я, долго молч л . Н конец спокойно проговори л :

— Только если всегд сидеть у тебя н спине. Вот если бы ты б сом пел, тогд есть ш нс услыш ть... к к бы изд лек , очень изд лек ... Я еще в н ушни-к х попробую, потом, л дно?

А что — потом? И — когд , собственно?

Он и с м ок з л сь отменным конспир тором: ни слов о гл вном. К к он ни з водил осторожных р зговоров о ее лондонской жизни (подступ лся исподволь, в обр зе ревнивого любовник , и видит бог, не слишком притворялся), всегд з мык л сь, сводил к пустяк м, к к ким-нибудь з б вным случ ям, к историям, произошедшим с нею с мой или с ее без л берными друзьями: «Предст вялешь, и этот детин , р зм хив я пистолетом, рявк ет: живо ложись н землю и гони *м ни!* А Фил стоит к к дур к с г мбургером в рук х, трясется, но ж лко же бросить, только что купил горячий, жр ть охот ! Тогд он говорит: “А вы не могли бы подерж ть мой ужин, пок я дост ну портмоне?” И что ты дум ешь? Громил осторожно берет у него п кет и терпеливо ждет, пок Фил рыщет по к рм н м в поиск х кошельк . А н последок ост вялет ему п ру фунтов н проезд! Фил всё потом изумлялся — к кой гум нный поп лся г нгстер, прямо не б ндит, бл готворитель: и от г мбургер ни р зу не отх рчил, и дорогу до дому профин нсиров л...»

Леонд же з сомнев лся: может, в *конторе* ошиблись — вряд ли он бы выжил , если б кто-то из *профессион лов* поставил перед собой цель ее уничтожить.

Но что привид , то привид : был он чертовски чувствительн ; мгновенно перегиб л и любое изменение темы и ситуации. Про себя он восхищ лся: как это у нее получается? Ведь ни интонации не слышит, ни высоты и силы голоса . Неужели только ритм движения губ, только смена выражений в лице, только жесты дают ей столь подробную и глубокую психологическую картину момент ? Тогда это просто детектор лжи какой-то, не женщин !

— У тебя меняется осанка , — заметил он в один из этих дней, — пластик тела меняется, когда звонит телефон. Ты подбир ешься к нему, будто выстрел ждешь. А в окно смотришь из-за занавеси. Почему? Тебе угрожают?

— Именно, — отозвался он с глуповатым смешком. — Мне угрожают еще одним блотворительным концертом...

Он шутил, отбредив лся, гонялся за ней по комнате, чтобы схватить, скрутить, обцеловать...

Два раза решился на безумие — выводил ее прогулять в Люксембургский сад, и был не тянут к кетив , и всю дорогу молчал — и Айя молчала , будто чувствовал его напряжение. Приятно вышел прогулочк ...

День ото дня между ними выростали стены , которую строили оба ; с каждым осторожным словом, с каждым уклончивым взглядом эти стены становились все выше и рано или поздно просто заглохли бы их друг от друга .

Через неделю, вернувшись после концерта — с цвет ми и сл стями из полуночного курдского м - г зин н рю де ля Рокетт, — Леон обн ружил, что Айя исчезл . Дом был пуст и бездых нен — уж Леонов-то гени льный слух мгновенно прощупыв л до последней пылинки любое помещение.

Несколько мгновений он стоял в прихожей, не р здев ясь, еще не веря, еще н деясь (пулеметн я лент мыслей, и ни одной толковой, и все тот же но ющий в «поддыхе» уж с, будто ребенк в толпе по- терял; м ло — потерял, т к его, этого ребенк , и не докричишься — не услышит).

Он з мет лся по кв ртире — с букетом и короб- кой в рук х. Первым делом, вопреки здр вому смыс- лу и собственному слуху, з глянул под т хту, к к в детстве, дур цки н деясь н шутку — вдруг он т м спрят л съ-з мерл , чтобы его н пуг ть. З тем обы- ск л все видимые поверхности н предмет ост влен- ной з писки.

Р сп хнул дверцы кл довки н б лконе, дв жды возвр щ лся в в нную, м шин льно з глядив я в душевую к бину — словно Айя могл вдруг м те- ри лизов ться т м из воздух . Н конец, бросив н стир льной м шине букет и коробку с булочк ми (просто чтобы д ть свободу рук м, готовым смять, уд рить, отшвырнуть, скрутить и убить любого, кто ок жется н пути), выскочил н улицу к к был — в смокинге, в б бочке, в н кинутном, но не з стегнутом пл ще. Презир я себя, умира я от отч яния, беззвуч- но повторяя себе, что у него н верняк уже и голос проп л н *нервной почке* («и черт с ним, и поздр в- ляю — недолго музык игр л , недолго фр ер т нце-

в л!»), минут сорок он болт лся по округе, отлично созн в я, что все эти ж лкие мет ния бессмысленны и нелепы.

Н улиц х и в переулк х кв рт л М рэ уже пробудил сь и з вороч л сь еженощн я богемн я жизнь: миг ли л мпочки н д входом в б ры и п бы, из открытых дверей вып рхив ли струйки блюз или утробн я икот рок , з углом по чьей-то пухлой кож ной спине молотили кул чки и, хихик я и всхлипыв я, изнутри этого кент вр кто-то выкрикив л руг тельств ...

Леон з глядыв л во все подвернувшиеся з веде-ния, спуск лся в полуподв лы, общ рив л взглядом столы, ощутив л фигуры-спины-профили н вы-соких т бурет х у стоек б ров, топт лся у дверей в д мские комн ты в ожид нии — не выйдет ли он . И очень зримо предст вял ее под руку с кем-нибудь из этих... из вот т ких...

В конце концов вернулся домой в н дежде, что он слегк з блудил сь, но р но или поздно... И вновь угодил в убийственную тишину со спящим «стейнвеем».

Н кухне он выхлест л одну з другой три ч шки холодной воды, не дум я, что это вредно для горл , тут же н д р ковиной ополоснул вспотевшие лицо и шею, з плеск в отвороты смокинг , прик з л себе уняться, переодеться и... дум ть, н конец. Легко ск з ть! Ит к: в прихожей не ок з лось ни пл щ ее, ни тувель. Но чемод н-то в углу сп льни, он...

Д что ей чемод н, что ей чемод н, что ей все н свете чемод ны!!! — это вслух, з полошным воплем... А может, он ускользнул , почуяв оп с-ность? Может, в его отсутствие сюд явился к -

кой-нибудь Джерри (по к кому пр ву Н т н приволок этого тип , под рив полную свободу появлений в моей ч стной жизни, — черт поберу, к к я их всех нен вижу! бедн я моя, бедн я гоним я девочк !).

...Вернул съ он в четверть второго.

Леон уже р зр бот л стр тегию поиск , ст л собр н, холоден, зн л, где и через кого р здобудет оружие, и был полностью готов к любому сцен рию отношений с *конторой*: ш нт жиров ть их, торгов ться с ними, угрож ть. Если пон добится, идти до последней черты. Жд л трех ч сов ночи, чтобы первым делом н грянуть к Джерри — *пр вильным обр зом...*

И вот тогд в з мке простодушно и обыденно крякнул ключ, и вошл Айя — оживленн я, в р сп хнупом пл ще, с букетом пунцовых хриз нтем («от н шего стол — в шему столу»). Ее щеки, н др -енные ветерком, тоже нежно-пунцовые, т к чудно отзв лись и хриз нтем м, и полур звяз нному белому ш рфику н белой шее, широкий р злет бровей т к победно реял н д ее *ф юмскими* гл з ми и высокими скул ми...

Леон призв л все силы, всю свою выдержку, чтобы спокойно снять с нее пл щ — рук ми, подр гив ющими от бешенств ; сдерж нно коснулся губ ми леденцовых от холод губ и не ср зу, целых полминуты спустя спросил, улыб ясь:

— Где ты был ?

— Гулял . — И д льше охотно, с шутливым удовольствием: — предст вь, обл зил все вокруг и обн ружил , что год четыре н з д меня сюд приводили в студию к одному фотогр фу. Может, ты с ним зн ком? Он р бот ет в т ком р змыв ющем стиле тип «ром нтизм», з г дочный полет в р пиде.

Мне-то лично никогда не нравились эти трюки, но есть любители подобного зрелища — релого дерьма ...

— Ты, верно, забыл, что я просил без меня не... — всё еще улыбаясь, оборвал он.

И он, тоже улыбаясь в ответ:

— Может, стоит и меня уж и колодки надеть?

После чего оборвали, спущенные с поводков, сблизив разъяренные лица, будто собираясь сшибиться лбами.

Он орлоккрезный, чуть не впервые в жизни (вот где дремал до поры до времени *повышенный звуковой фон Дом Этингера*: в потном ядре его стрехов, выпущенных на свободу), наслаждаясь: можно выорваться всласть, стены бывшей конюшни вынесут пронзительную сирену разъяренного контртенора,эт *глухом* нь все равно ни черт не услышит; можно выорвать весь минувший стрехзнее, бешенство и ненависть (да, да, ненависть!!! — как он мог, безумец, окончательно спятивший на *этой помойной торве*, предстать себе, что *контор* ... да нет, его друзья, его сортники! — могут переступить с ним черту, которую!!!..)

Айя выпевал, оплетя собственное лицо плеском обезумевших ладоней:

— Я- - уе-е-еду-у-у!!! Я- не в тюрьме-е-е! Не в тюрьме-е-е!!!

Он тихо произнес, четко выговаривая:

— Ни пуха, ни прухи!

Ушел в спальню, хлопнул дверью, рухнул на эту лицом вниз.

Через пять минут, отгрохотавших в его висках, он вошел на цыпочках, лег рядом и стал тихо гл-

дить его плечи несусветными своими руками — глядеть, перебираться, тнцевать и вышивать пальцами. Прокрался ладонями под свитер, переплел руки у него на животе, вжалась грудью в его спину, склизло хрипло, гундосо:

— Не прогоняй меня...

Он взвыл, перевернулся, взвился над ней...

...и так далее...

Но не эта очередная — иступленная, упоительная, горькая, слезная — ссорка из себя переломной в их первых мучительных днях.

Перелом наступил чуть позже, под утро.

Впоследствии, вспоминая эти минуты, он мысленно произносил: «Хмсин слом лся» — как говорят обычно в Иерусалиме, когда вся тяжесть пустынного ветра с мутной взвесью песка, с его трехдневным мороком и тоской, с его удушьем в вязком плотном воздухе внезапно дрогнет; прогнетса и освободит стрелу невидимая тетива, неизвестно откуда потянет на летевшим ветерком. Провеетса воздух, становится все прозрачнее и свежее — и вдруг случается обморок и тлен, как не было их, и певуче округляются застывшие гребни волн Иудейской пустыни, фиолетовый шелк туго обтянет далекие призывные груди Иорданских гор.

Он уже засыпал, и он почти заснул, и другой бы не услышал, что там он бормочет на выдохе, но он своим тончайшим слухом уловил и эти несколько слов:

— Гюнтер тоже... — бормотнул он, — те же уловки...